Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

Histoire sanglante à Yakoutsk

IIIme partie

ІКУТСКАЯ ИСТОРІЯ

Судъ надъ якутянами.

Выпускъ III.

Изданіе Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

Ішк
Буіd.

ЖЕНЕВА.
élite, Rue de Carouge 81, Genève, Suisse.
Ноябрь 1904.

378.

„Пров 49"
ПР
1 шк
Бунд

СУДЪ НАДЪ ЯКУТЯНАМИ

РОС. СОЦ. DEM. PAST. ARTI

30-го іюля начался нашъ процессъ въ Якутскомъ Окружномъ судѣ, а закончился онъ лишь 8-го августа. Очевидно, сами судьи не разсчитывали, что онъ затянется на 10 дней, потому что на 16-ое августа была назначена выѣздная сессія въ Олекминскѣ. Хватившись, что не поспѣютъ съ выработкой мотивированнаго приговора до отъѣзда, судъ депешей извѣстилъ Олекминскъ о томъ, что сессія откладывается до осени. Насъ водили въ судъ изъ тюрьмы подъ сильнымъ конвоемъ. Во время обѣденнаго перерыва мы возвращались въ тюрьму, хотя мѣстная администрація пробовала было насъ убѣдить, что для насъ самихъ удобнѣе устроиться съ обѣдами въ самомъ зданіи суда. Еще задолго до процесса въ городѣ стеклось огромное количество политиковъ изъ близкихъ и отдаленныхъ улусовъ. Интересъ къ дѣлу былъ весьма интенсивный. Администрація ничего не могла подѣлать съ этимъ неудержимымъ напоромъ, хотя она принимала всяческія мѣры, начиная съ закрытія перевозовъ черезъ рѣку Лену и кончая запрещеніемъ содержательницѣ единственной здѣшней столовой отпускать обѣды политическимъ. Въ концѣ концовъ она махнула рукой.

Судебныя засѣданія начинались обыкновенно около 11 часовъ утра, продолжались съ небольшими перерывами до 4-5 час. дня. Затѣмъ объявлялся обѣденный перерывъ на $2^1/_2$ ч. (фактически часомъ больше); закрывались засѣданія въ 11-12 час. ночи. Судъ составляли: предсѣдатель окружного суда Будзилевичъ и двое членовъ суда — Соколовъ и Ревердатто. Обвинялъ прокуроръ окружного суда Дречинъ. Въ качествѣ почетныхъ гостей присутствовали до вечерняго засѣданія 2 августа спеціально прибывшіе изъ Иркутска старшій предсѣдатель Иркутской Судебной Палаты Ераковъ и прокуроръ той-же палаты Малининъ. Пожаловали они сюда, разумѣется, не изъ любопытства, а привезли съ собой опредѣленныя инструкціи. Это было очевидно для всякаго. Они скромно сидѣли у стѣнки за спинами суда, но ихъ вліяніе явственно осязалось. Напр., 31 іюля Будзилевичъ, державшійся эти дни съ величайшей корректностью, соглашается, по ходатайству защиты, огласить представленныя ею частныя копіи нѣкоторыхъ кутайсовскихъ циркуляровъ. На слѣдующій день онъ явился на засѣданіе совершенно неузнаваемый, страшно злой, ежеминутно обрывалъ защитниковъ, отвергалъ всѣ ихъ ходатайства, между прочимъ объ оглашеніи еще двухъ частныхъ копій циркуляровъ, и вообще съ того времени сталъ необыкновенно чувствителенъ къ вопросу объ „инструкціяхъ".

Десятидневныя засѣданія суда распредѣлились слѣд. образомъ:

День первый, 30 іюля. Выполненіе обычныхъ формальностей. Чтеніе обвинительнаго акта. Допросъ свидѣтелей.

День второй, 31 іюля. Допросъ вице-губ. Чаплина, полицм. Березкина и полиц. надзир. Олесова.

День третій, 1 августа. Допросъ свидѣтелей.

„ четвертый, 2 августа. Допросъ свидѣтелей. Фактическое изложеніе дѣла подсудимыми Никифоровымъ, Тепловымъ и Теслеромъ.

День пятый, 3 августа. Допросъ свидѣтелей защиты. Оглашеніе документовъ.

День шестой, 4 августа. Осмотръ дома Романова.

День седьмой, 5 августа. Экспертиза. Оглашеніе документовъ. Рѣчи подсудимыхъ Виленкина, Кагана, Израильсона, Хацкелевича, Залкинда, Закона, Розенталя.

День восьмой, 6 августа. Рѣчь Бройдо о ссылкѣ. Рѣчь прокурора. Рѣчь прис. пов. Бернштама.

День девятый, 7 августа. Окончаніе рѣчи Бернштама. Рѣчь прис. пов. Заруднаго. Возраженіе прокурора. Отвѣтъ Бернштама. Послѣднее слово подсудимыхъ.

День десятый, 8 августа. Оглашеніе вопросныхъ пунктовъ. 5-часовое совѣщаніе. Приговоръ.

Дѣло наше считалось уголовнымъ. Разбиралось оно при закрытыхъ дверяхъ. Но мы имѣли по закону право ввести въ залу суда каждый по 3 родственниковъ или знакомыхъ. Всего набралось бы при 59 обвиняемыхъ 177 челов. Но, увы, это только „право“. Предсѣдатель тоже имѣетъ „право“... не пускать публику, ссылаясь на недостатокъ мѣста. Защита представила списокъ лицъ, выработанный нами. Во главѣ списка мы поставили 8 женъ и невѣстъ нашихъ товарищей, а далѣе слѣдовали другіе родственники и знакомые, почти исключительно политическіе ссыльные. Порядокъ ихъ размѣщенія въ спискѣ былъ рѣшенъ нами посредствомъ жребія. Предсѣдатель заявилъ, что покамѣстъ онъ можетъ допустить только 8 лицъ, а въ дальнѣйшемъ, если мѣста не будутъ заняты свидѣтелями, онъ, можетъ быть, разрѣшитъ входъ еще нѣкоторымъ. Защита неоднократно возвращалась къ этому вопросу, но только одинъ разъ ея старанія увѣнчались успѣхомъ, да и то микроскопическимъ. 31-го іюля былъ допущенъ полит. ссыльн. Малышевъ. Затѣмъ предсѣдатель систематически отказывалъ въ допущеніи новыхъ лицъ, хотя защитники указывали, что не всѣ жены посѣщаютъ аккуратно засѣданія, и что вообще имѣются свободныя мѣста. Прокуроръ, съ своей стороны, дѣлалъ все возможное, чтобы былъ предлогъ не увеличивать притока публики. Онъ удерживалъ до послѣдняго дня множество ненужныхъ свидѣтелей-солдатъ, которые занимали понапрасну всѣ мѣста.

Между прочимъ, въ первый день, когда защита представила списокъ „публики“, предсѣдатель очень внимательно справлялся относительно каждаго лица, не политическій ли это ссыльный. Зарудный горячо возражалъ: „Совершенно безразлично, политическіе ли они ссыльные, или нѣтъ. Они не лишаются права. Мы убѣдительно просимъ не принимать во вниманіе политическаго надзора, наложеннаго административно“. Предсѣдатель поспѣ-

шилъ его увѣрить, что онъ и не думаетъ принимать во вниманіе полицейскаго надзора, но исключительно по недостатку мѣста онъ можетъ допустить только 8 человѣкъ.

Вызванные защитой свидѣтели политическіе ссыльные Крюковъ, Колтунъ и сестра политическаго Ракова отъ принятія присяги отказались по убѣжденію, и съ нихъ взяли слово показывать правду. Равнымъ образомъ отказалась отъ присяги свидѣтельница духоборка Чивильдеева. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ суда было разсмотрѣть искъ, предъявленный къ намъ домовладѣльцемъ Романовымъ. Мы уже давно вели съ нимъ переговоры, желая полностью вознаградить его за тѣ убытки, которые мы сами ему нанесли. Но онъ представилъ чисто ростовщическій счетъ въ 2700 рублей, въ которомъ убытки были непомѣрно раздуты, и кромѣ того туда вошли и тѣ поврежденія, которыя ему нанесла полиція. Мы предлагали ему 1000 рублей, но онъ предпочелъ предъявить искъ. Ѳедотъ Романовъ—скромный, но весьма зажиточный якутъ, „малъ-мало“ говорящій по-русски. Изъясняться съ нимъ пришлось черезъ переводчика. Прокуроръ высказался за оставленіе иска безъ послѣдствій, такъ какъ прямой причиной связи между преступленіемъ и нанесенными Романову убытками онъ не усматриваетъ; къ тому же истецъ имѣетъ полную возможность предъявить къ обвиняемымъ искъ въ гражданскомъ порядкѣ. Зарудный тогда заявилъ, что подсудимые считаютъ своей нравственной обязанностью возмѣстить убытки Романову. Съ формальной стороны, Романовъ, конечно, опоздалъ, такъ какъ не позаботился пригласить во-время эксперта. Сенатское разъясненіе допускаетъ въ такихъ случаяхъ кончать дѣло миромъ. Принимая во вниманіе, что расцѣнка Романова сильно преувеличена, онъ предлагаетъ ему 1000 руб. и проситъ судъ заявить объ этомъ желаніи подсудимыхъ Романову. Судъ послѣ краткаго совѣщанія высказался согласно мнѣнію прокурора, въ искѣ отказалъ, но отказалъ также въ выполненіи ходатайства Заруднаго *). О возмѣщеніи убытковъ говорилось также и при допросѣ другого якута Слѣпцова. Этотъ свидѣтель жилъ въ нижнемъ полуподвальномъ этажѣ того дома, гдѣ мы заперлись 18 февраля. Уже на слѣдующій день полиція заставила его выбраться изъ квартиры. Онъ, однако, время отъ времени заглядывалъ къ себѣ, чтобы отапливать свое жилище и не давать ему промерзнуть. Мы пользовались его льдомъ, дровами, оставивъ предварительно записку, что за все взятое будетъ нами сполна заплочено. Затѣмъ, съ его вѣдома и согласія, мы взяли изъ его амбара много провизіи, и деньги за нее были ему еще въ мартѣ полностью уплочены, по собственной его расцѣнкѣ. Защита тѣмъ настойчивѣе старалась установить этотъ фактъ, что на предварительномъ слѣдствіи Слѣпцовъ показалъ, что денегъ за провизію онъ не получалъ. Между Бернштамомъ и свидѣтелемъ произошелъ такой діалогъ: *Бернштамъ.* За мясо, соленую рыбу, карасей и пр. вамъ заплатили? *Слѣп-*

*) Послѣ суда мы покончили съ Романовымъ полюбовно, уплативъ ему 700 руб.

цовъ. Да, всѣ заплатили. *Б.* Замокъ у васъ въ амбарѣ запирался? *Сл.* Нѣтъ, не запирался. *Б.* Они *не* совершили кражи? не сломали замка? *Сл.* Какъ открыли, я не замѣтилъ, только взлома не было. *Б.* Вы были убѣждены, что вамъ заплатятъ? *Сл.* Да, они мнѣ за ледъ насильно дали. То же было и съ дровами.

Не менѣе настойчиво старались защитники опровергнуть другое показаніе, которое, по ихъ мнѣнію, насъ позорило, — это показанія и. д. губернатора Чаплина на предварительномъ слѣдствіи о томъ, что 28 февраля с. г., [по выходѣ изъ д. Романова, Никифоровъ „получилъ 25 рублей съ почты, *напился и пьяный* спитъ у себя". Это было, само собою разумѣется, измышленіе, но въ сравненіи съ той атмосферой обмана и предательства, которая насъ опутывала съ марта мѣсяца, оно составляло такой пустякъ, на который мы не обращали никакого вниманія. Защитники, однако, считали необходимымъ реабилитировать нашего делегата. „Въ дѣлѣ,—говорилъ въ своей рѣчи Бернштамъ,—промелькнуло тяжелое заявленіе: до какого паденія долженъ дойти человѣкъ, чтобы, выйдя съ такими важными порученіями, напиться пьянымъ и залечь спать!". „Тяжелое заявленіе" оказалось, по разслѣдованіи, ни на чемъ неоснованнымъ. Чаплинъ сослался на докладъ полицмейстера Березкина, послѣдній, въ свою очередь, сослался на полицейскаго надзирателя Олесова. Разъ добрались до *этого* источника, раскрыть лживость или, по крайней мѣрѣ, крайнюю сомнительность извѣстія, не представляло никакого труда. Олесовъ — самая гнусная фигура въ нашемъ дѣлѣ. Это личность въ нѣкоторомъ родѣ историческая, такъ какъ онъ сыгралъ активную роль еще въ первой якутской бойнѣ 1889 г. Когда защитникъ хотѣлъ напомнить этому негодяю его историческую заслугу, предсѣдатель сразу его оборвалъ, заявивъ, что нѣтъ надобности вдаваться въ „исторію". Въ нашемъ дѣлѣ Олесовъ былъ душой того комплота, который дѣйствовалъ съ поразительной наглостью и безнаказанностью, безъ вѣдома, хотя съ явнымъ попустительствомъ Чаплина и Березкина. Эта толстенькая фигура съ окладистой рыжеватой бородой, не могущая никакъ выбраться изъ скромнаго званія полицейскаго надзирателя за отсутствіемъ образовательнаго ценза и чина, чувствуетъ себя тѣмъ не менѣе въ здѣшнемъ городѣ царькомъ и пользуется всеобщей ненавистью обывателей. Вотъ часть допроса этого свидѣтеля. *Бернштамъ.* Скажите, пожалуйста, свидѣтель, какое право вы имѣли 18 февраля, когда губернаторъ съ полицмейстеромъ находились въ д. Романова, самостоятельно вызвать мѣстную команду? *Олесовъ* (угрюмо). И. д. губернатора былъ задержанъ; и. д. вице-губернатора, старшій совѣтникъ Метусъ, былъ боленъ, а полиція должна соблюдать порядокъ. Кто отвѣтитъ за послѣдствія? *Б.* Сколько политическихъ пріѣхало 1 марта въ д. Романова на парѣ и тройкѣ? *Ол.* Семь человѣкъ. Б. указываетъ, что въ дѣйствительности пріѣхало, какъ вполнѣ точно установлено, только четверо. *Б.* Правда ли то, что политическіе въ числѣ 10-15 чел. съ револьверами и *кинжалами* выстраивались вдоль воротъ для охраны работавшихъ товарищей? *Ол.* Да, у всѣхъ

были револьверы и кинжалы. Защитникъ обращаетъ вниманіе суда, что при осмотрѣ дома были найдены только 2 кинжала. *Б.* Не утверждали ли вы, что 3 марта ночью былъ сильный вѣтеръ, такъ что трудно было стоять на посту? (NB. Въ это самое время городовые и солдаты закрывали у насъ ставни съ улицы и Олесовъ, какъ и многіе другіе, пытался на предварительномъ слѣдствіи свалить это на „вѣтеръ“). *Ол.* Да, былъ сильный вѣтеръ, всѣ дни было вѣтренно. (Защитникъ напоминаетъ, что по записямъ метеорологической станціи Якутска въ этотъ вечеръ сила вѣтра была 0, т. е. вѣтра вовсе не было). *Б.* Не помните ли вы, что 6 марта былъ одиночный выстрѣлъ, на который солдаты не отвѣчали? *Ол.* Да, такъ какъ губернаторъ приказалъ стрѣлять, когда раздастся не одинъ, а нѣсколько выстрѣловъ. Сидѣвшій въ ряду свидѣтелей, уже допрошенный Чаплинъ, по приглашенію защиты, выступаетъ впередъ и возражаетъ: „Я никакимъ полиц. надзирателямъ не отдавалъ приказаній, а отдалъ лично приказъ полицмейстеру и начальнику команды стрѣлять лишь тогда, когда засѣвшіе *выйдутъ на улицу* и будутъ употреблять оружіе“.

Олесовъ стоитъ уничтоженный. — Свидѣтель, — донимаетъ его защитникъ, — это вы взяли пушку на пароходѣ „Лена“? Зачѣмъ вы это сдѣлали? *Ол.* Взялъ ее брандмейстеръ Охлопковъ, по моему приказанію. А взялъ ее для того, чтобы политическіе не забрали ее къ себѣ въ д. Романова; вѣдь капитанъ „Лены“, Гориновичъ, бывшій политическій (смѣхъ среди подсудимыхъ).

Объ этой же пушкѣ спрашивали передъ тѣмъ и Чаплина, который показалъ: „Довѣренный Громова пришелъ ко мнѣ и заявилъ, что брандмейстеръ Охлоповъ и Олесовъ взяли на его пароходѣ пушку для обстрѣла д. Романова съ монастырской стѣны. Я произвелъ сейчасъ дознаніе и утромъ я ему сказалъ, что эту пушку имѣли въ виду купить на случай высокоторжественныхъ актовъ, но имѣя въ виду, чтобы политическіе не пріобрѣли этой пушки для себя, она была тогда взята съ парохода. Гориновичъ заявилъ тогда, что его фирма считаетъ позоромъ для себя, чтобы изъ ея пушки разстрѣливали политическихъ“. Затѣмъ Олесову ставятъ довольно щекотливый вопросъ: не пріѣзжалъ ли онъ 6 марта вечеромъ въ караульный домъ съ четвертью водки и не сказалъ ли онъ солдатамъ, что если они хотятъ быть молодцами, то завтра утромъ, прежде чѣмъ губернаторъ пріѣдетъ, пусть стрѣляютъ съ постовъ*). Олесовъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства отвергаетъ это обвиненіе и утверждаетъ, что въ этотъ вечеръ вовсе не заѣзжалъ въ караульный домъ.

---

*) Это фактъ. О немъ разсказывалъ Мерцелевъ Яхонтову въ присутствіи Чуйкова и Скарынина. Всѣ они солдаты. Былъ при этомъ разговорѣ и подсудимый рядовой Виленкинъ, отъ котораго этотъ фактъ и сталъ извѣстнымъ. Сколько подлости и низости заключаетъ въ себѣ г-нъ Олесовъ, легко понять, если вспомнить, что 6 марта *мы уже сдались* и на слѣдующій день утромъ губернаторъ долженъ былъ пріѣхать, чтобы сопровождать насъ въ тюрьму.

Между тѣмъ у свидѣтеля, казака Малышева, удалось получить признаніе, что Олесовъ тогда дѣйствительно заѣзжалъ въ караульный домъ.

На вопросъ, былъ ли Никифоровъ пьянъ и не онъ ли доложилъ объ этомъ полицмейстеру, Олесовъ отвѣтилъ, что Никифоровъ дѣйствительно былъ пьянъ: онъ это хорошо знаетъ, такъ какъ слѣдилъ за нимъ. *Б.* Это вы заявили, что Никифоровъ заходилъ, между прочимъ, въ магазинъ Попова и спрашивалъ 2 ф. селитры, причемъ Поповъ не продалъ ему, но спросилъ, на что ему селитра, на что тотъ отвѣтилъ: „мясо солить“? *Ол.* Да, именно такъ и было. (Вызванный въ качествѣ свидѣтеля защитой, купецъ Поповъ категорически отвергъ, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, это показаніе, заявивъ, что Никифоровъ, кромѣ спичекъ и папиросъ, ничего у него не покупалъ).

Бернштамъ, въ виду того, что Олесовъ на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что политическій Бодневскій всегда выходилъ въ числѣ вооруженныхъ политическихъ, составлявшихъ охрану, причемъ имѣлъ при себѣ два (!) револьвера, предлагаетъ ему узнать среди подсудимыхъ Бодневскаго. Олесовъ увѣренно подходитъ къ первой скамьѣ и рѣшительно указываетъ пальцемъ на... Фрида! Контрастъ между ихъ наружностями настолько великъ, что вся зала, не исключая и судей, разражается гомерическимъ хохотомъ. „Ошибка“ Олесова объясняется весьма просто. Онъ зналъ, что по алфавиту Бодневскій долженъ сидѣть на первой скамьѣ на второмъ мѣстѣ, сейчасъ же за Бройдо. Бодневскій первое время тамъ и сидѣлъ и незадолго до того случайно помѣнялся мѣстами съ Фридомъ. (Мы вообще разсаживались, какъ кто хотѣлъ).

Въ заключеніе защита обратила вниманіе суда на то, что во всемъ „дѣлѣ“ только показаніе Олесова написано на пишущей машинѣ, изъ чего можно заключить, что онъ оставилъ себѣ копію показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи.

Несмотря на такой конфузъ, на столько щелчковъ, минутъ черезъ 20 толстенькая фигура прохвоста-свидѣтеля, имѣя по правую и лѣвую руку, въ качествѣ свиты, по 2 городовыхъ, величественно шествовала во главѣ солдатской цѣпи, конвоировавшей насъ обратно въ тюрьму.

* * *

Другой замѣчательной фигурой въ нашемъ дѣлѣ является начальникъ мѣстной команды Кудельскій. Весьма любопытное показаніе его, данное на предварительномъ слѣдствіи, уже появилось въ печати *), а потому мы ограничимся лишь приведеніемъ нѣкоторой части тѣхъ показаній, которыя онъ далъ на судѣ. Это немолодой уже штабсъ-капитанъ, говоритъ размѣренно, тихо, словно цѣдитъ сквозь зубы, отвѣчалъ онъ, впрочемъ, на вопросы защитниковъ и подсудимыхъ съ готовностью, даже съ долей правдивости, но тѣмъ ужаснѣе звучали отвѣты въ устахъ

*) См. „Якутская исторія“, вып. I.

этого человѣка, который явно не вѣдалъ, что творилъ, и съ полной наивностью говорилъ вещи, отъ коихъ можно было придти въ содроганіе. Надо имѣть въ виду, что во время нашего „возстанія“ Кудельскій занялъ позицію, враждебную къ губернатору Чаплину. Онъ находилъ, что послѣдній слишкомъ долго тянетъ канитель и что давно пора покончить съ мятежнымъ гнѣздомъ. Онъ посылалъ по телеграфу доносы въ Иркутскъ и Петербургъ. Самъ онъ съ первыхъ же дней изыскалъ и ту спасительную мѣру, которая болѣе всего годилась при данныхъ условіяхъ: обстрѣлъ дома, т. е. разстрѣлъ сидящихъ въ немъ. Вотъ наиболѣе любопытныя извлеченія изъ его показаній.

„3-го марта утромъ я повѣрялъ караулы. Мнѣ заявилъ кто-то изъ полиціи, что политическіе хотятъ со мной поговорить. Вышелъ Кудринъ и спрашиваетъ: „Мы находимся въ вашемъ распоряженіи?“ — Нѣтъ, — отвѣчаю я, — въ вѣдѣніи гражданскихъ властей. — „Для чего поставлены часовые?“—Это дѣло гражданскихъ властей. Но часовой есть часовой, его никто не можетъ тронуть.—На это онъ заявилъ, что часовые позволяютъ себѣ что-то, жесты что-ли, ругаются, прицѣливаются... На слѣдующій день, послѣ стрѣльбы и разговора и. д. губернатора съ Тепловымъ, и. д. губ. спросилъ меня: „Какъ вы будете дѣйствовать?“ Я сказалъ: „Дѣло мое. Я нахожу болѣе раціональнымъ (!!) дѣйствовать залпами, только залпами“. И. д. губернатора предложилъ мнѣ въ видѣ совѣта взять ихъ приступомъ. Я сказалъ, что это невозможно, т. е. не то, чтобъ невозможно, а неудобно въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Тогда и. д. губ. сказалъ: „При такихъ условіяхъ передать вамъ власти не могу“. Я увелъ команду. *Б.* Составлялись ли у васъ постовыя вѣдомости? *Куд.* Нѣтъ, такъ какъ у часовыхъ не было никакого казеннаго имущества для передачи. *Б.* А развѣ вы не знаете, что шуба и свистокъ тоже казенное имущество? *Куд.* У нихъ не было шубы и свистка для передачи. *Б.* Ну, а книга нарядовъ составлялась у васъ? По ней можно узнать, какіе часовые, на какихъ мѣстахъ, въ какое время стояли? *Куд.* Книга нарядовъ составлялась, я могу ее представить, но *этого* изъ нея нельзя узнать. *Б.* Разъяснили ли вы караулу его обязанности? *Куд.* Нѣтъ, я рекомендовалъ унт.-офицерамъ прочесть „гарнизонный уставъ“. Каждый караульный начальникъ знаетъ точно свои обязанности. Я имъ объяснилъ, что каждый караульный начальникъ можетъ стрѣлять подъ личной отвѣтственностью? *Б.* Извѣстно ли вамъ высочайше утвержденное положеніе Комитета министровъ 1878 г. о порядкѣ призыва военныхъ командъ гражданскими чинами? *Куд.* У насъ есть уставъ 1901 г., отмѣняющій всѣ предыдущія распоряженія. *Б.* Сколько патроновъ было всего израсходовано солдатами? *Куд.* 860 *). *Б.* Знали ли вы, что въ домѣ политическихъ были устроены блиндажи? *Куд.* Съ увѣренностью не могъ этого знать, но предполагалъ, такъ какъ слышалъ стукъ около стѣнъ. Я разспрашивалъ, на какой высотѣ былъ стукъ. Я понялъ

*) Не считая пуль, выпущенныхъ городовыми и казаками.

во всякомъ случаѣ, что выше оконъ блиндажи не доходятъ, такъ какъ видно было, что окна не закрыты *). *Б.* Знали ли вы, что *всѣ* стѣны блиндированы? *Куд.* Я этого не зналъ, но предполагалъ, что обращенныя къ городу: тамъ былъ стукъ. *Б.* Знали ли вы, что солдатскія пули пронизываютъ стѣну дома насквозь? *Куд.* Даже всѣ три стѣны пробиваютъ трехлинейныя винтовки. *Б.* Ходили ли вы для переговоровъ къ г-жѣ Бушуевой, чтобы обстрѣливать д. Романова съ крыши ея дома? *Куд.* Я не ходилъ самъ, а ходилъ фельдфебель Морозовъ. *Я объ этомъ не зналъ и его не посылалъ.* Онъ осматривалъ амбары. Но вообще это не могло состояться, слишкомъ далеко отъ д. Романова **). *Б.* Не посылали ли вы въ Иркутскъ генералъ-губернатору телеграммы въ 700 словъ? *Куд.* Я непосредственно не могу сноситься съ Иркутскимъ ген.-губернаторомъ и, вообще, позвольте уклониться отъ отвѣта на этотъ вопросъ. *Б.* А не посылали ли вы тогда же телеграммы въ Петербургъ въ 1000 словъ? (Предсѣдатель останавливаетъ защитника). *Б.* Не вызывали ли вы охотниковъ стрѣлять въ д. Романова съ нижняго этажа? *Куд.* Охотниковъ не вызывалъ. Правда, говорилъ объ этомъ съ чиновниками, но это изъ области слуховъ, передавать объ этомъ не хочу.

Бернштамъ настаиваетъ на отвѣтѣ, но предсѣдатель не даетъ ему вернуться къ этому вопросу ***). *Б.* Были ли вы въ нижнемъ этажѣ? Не вы ли распорядились тамъ выставить окна и разрушить печь? *Куд.* Въ нижнемъ этажѣ я былъ только разъ. Насколько помнится, были разобраны трубы. Я такихъ распоряженій не давалъ. *Зарудный.* Не знаете ли вы что-либо про одиночные выстрѣлы часовыхъ съ постовъ и про стрѣльбу казаковъ и городовыхъ? *Куд.* Про одиночные выстрѣлы часовыхъ не знаю. Городовые и казаки стрѣляли. *Зарудный.* Могли ли выстрѣлы караула съ Малобазарной улицы попадать по направленію къ д. Кондакова? *Куд.* Ни въ какомъ случаѣ! Солдаты съ Малобазарной улицы стрѣляли съ такого мѣста, что пули летѣли по направленію Лены и Монастырской стѣны.

Это съ апломбомъ сдѣланное увѣреніе, которое повторяли съ одинаковой категоричностью и экспертъ — подпоручикъ Лепинъ, и распоряжавшійся обстрѣломъ 6 марта унтеръ-офицеръ Былковъ, и другіе солдаты, было вполнѣ опровергнуто осмотромъ дома.

---

*) Когда Кудельскій составлялъ себѣ планъ „дѣйствовать залпами, только залпами“, у насъ блиндажей еще не было. Мы и принялись ихъ воздвигать только потому, что до насъ дошелъ въ видѣ неправдоподобнаго слуха планъ Кудельскаго.

**) Домъ Бушуевой или Кушнарева — высокій каменный корпусъ находится на берегу Лены сейчасъ позади д. Романова. Съ вершины брандмауера, т. е. съ высоты 3-хъ этажей, предполагалось 7 марта насъ обстрѣливать.

***) Что былъ планъ разстрѣливать насъ (навѣрняка) изъ нижняго этажа сквозь полъ второго этажа—несомнѣнный фактъ. Охотниковъ вызвалось шесть человѣкъ, среди нихъ свидѣтели Яхонтовъ и Дмитрій Вохминъ.

Длинныя спицы, проткнутыя нами въ пулевыя отверстія стѣнъ, по выраженію одного изъ подсудимыхъ, словно пальцами указывали прямо на домъ и дворъ Кондакова. Значеніе этого обстоятельства станетъ понятнымъ, если знать, что нѣкоторые свидѣтели, стоявшіе у д. Кондакова, т. е. противъ фасада д. Романова, увѣряли, что *пули изъ д. Романова* свистали надъ ихъ головами. *Б.* Свидѣтель, не отвѣтили ли вы 6 марта при и. д. губернатора Чаплинѣ на заявленіе подсуд. Теслера о томъ, что выстрѣлъ въ этотъ день, какъ и въ предыдущій, сдѣланъ не политическими, а самими солдатами: „Намъ некогда разбираться, кто стрѣляетъ, и откуда! Разъ стрѣляютъ, мы отвѣчаемъ“? *Куд.* Я не помню этого точно. Но это подходящій отвѣтъ. Унтеръ-офицеры такъ и дѣлали. *Подсуд. Бодневскій.* Имѣли ли право часовые стрѣлять съ постовъ и самовольно съ нихъ убѣгать? *Куд.* Нѣтъ, они не имѣли права стрѣлять. *Бодневскій.* Извѣстно ли свидѣтелю, что по гарнизонному уставу 1901 г. часовой не имѣетъ права покидать свой постъ и въ случаѣ нападенія долженъ стрѣлять съ поста, пока его не сниметъ разводящій? Значитъ, караулу, кромѣ устава, давались еще какія-то инструкціи? *Куд.* Караулъ былъ исключительный, и потому здѣсь возможны были отступленія. Бодневскій проситъ занести въ протоколъ, что караульные унт.-офицеры не знали своей службы. Защитникъ ходатайствуетъ, чтобы Кудельскаго изолировать въ отдѣльную комнату на все время судебныхъ засѣданій. Кудельскаго уводятъ въ особую комнату *).

* * *

Допросъ начальника команды, какъ и другихъ свидѣтелей съ полнѣйшей очевидностью обнаружилъ, какая невѣроятная анархія царитъ въ мѣстномъ воинствѣ, какая неорганизованность и неотвѣтственность господствовали въ караулѣ, стерегшемъ д. Романова, и какая благопріятная почва, такимъ образомъ, имѣлась для провокаторскихъ и предательскихъ дѣйствій разныхъ Олесовыхъ, Яхонтовыхъ, Соловьевыхъ, Размановыхъ и т. п. негодяевъ. На судѣ мелкотравчатый комплотъ держался съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Передъ нашими глазами, въ качествѣ свидѣтелей, прошло свыше 50 солдатъ, казаковъ и городовыхъ. Они лжесвидѣтельствовали съ такой наглостью, что намъ, людямъ не вѣрящимъ въ святость Евангелія и животворящаго креста, вчужѣ становилось жутко. И не очень весело чувствовалъ себя, вѣроятно, почтенный батюшка, который послѣ

*) Въ этомъ одиночномъ заключеніи онъ провелъ весь слѣдующій день. Надо полагать, что оно ему не совсѣмъ пришлось по вкусу, потому что больше онъ уже не являлся въ судъ, представивъ рапортъ о болѣзни и обѣщавшись прислать и свидѣтельство врача. Хотя свидѣтельство такъ и не было доставлено къ слѣдующему дню, тѣмъ не менѣе, судъ, „довѣряя заявленію свидѣтеля“, рѣшилъ, вопреки заключенію прокурора, его не штрафовать.

привода къ присягѣ добросовѣстно выслушивалъ всѣ судебныя засѣданія, прикурнувши въ углу позади судей. Насколько тяжело было выносить такое лжесвидѣтельствованіе, можетъ показать восклицаніе, вырвавшееся у одной изъ подсудимыхъ: „скажите, свидѣтель, когда вы цѣловали крестъ, думали ли вы — говорить правду, или повторять то, что вамъ говорилъ Олесовъ?“ Услышавъ такой „посторонній“ вопросъ („чисто женскій“, по одобрительному замѣчанію защитника), предсѣдатель, разумѣется, замахалъ руками и прочелъ нотацію.

Вотъ появляется высокая стройная фигура свидѣтеля рядового Михаила Федорова. Это тотъ самый, который 6 марта въ 3 часа дня, стоя на посту съ Малобазарной улицы, просунулъ дуло ружья въ щель забора, образовавшуюся отъ спеціально выпутой доски и выстрѣломъ въ окно чуть не убилъ одну изъ нашихъ дамъ, сторожившую у окна. Что онъ стрѣлялъ нѣсколько разъ съ поста, что городовой Медвѣдевъ тоже выпустилъ тутъ-же двѣ пули, въ этомъ онъ самъ признавался товарищу — солдату Виленкину (политическому ссыльному, привлеченному къ нашему дѣлу и оправданному судомъ). На судѣ же онъ открещивался отъ всего, хотя и дрожалъ мелкой дрожью и судороги пробѣгали по его лицу и нижняя челюсть прыгала, особенно при разсказѣ подсудимой, какъ этотъ солдатъ въ нее выстрѣлилъ. Онъ не могъ отвергнуть, что стоялъ именно на этомъ мѣстѣ позади дома Романова; и выстрѣлъ раздался въ это самое время, но только *изъ дома Романова въ него, Михаила Федорова*: „Пуля просвистѣла у меня надъ головой“. Дыма, впрочемъ, онъ не видалъ, и пули не замѣтилъ, и пулевого отверстія въ заборѣ не оказалось. За то при осмотрѣ дома вполнѣ точно было установлено отверстіе въ оконномъ стеклѣ, сдѣланное пулей этого солдата; направленіе шло прямо изъ бывшей, заколоченной нынѣ, щели забора.

Вотъ появляется молодой казакъ Цыпандинъ, въ которомъ наши сразу узнали одного изъ тѣхъ, которые палками закрывали 4 марта ставни; вотъ солдатъ Соловьевъ, о которомъ намъ съ полнѣйшей достовѣрностью извѣстно, что это онъ бросилъ 4-го марта мерзлымъ лошадинымъ пометомъ въ руку одного изъ нашихъ товарищей. Уличить ихъ не было никакой возможности, такъ какъ на все получался неизмѣнный отвѣтъ: „никакъ нѣтъ!“, „не знаю“, „не помню“.

Даже тѣ, кто на предварительномъ слѣдствіи давалъ показанія, которыми можно было воспользоваться для правильнаго освѣщенія дѣла, теперь основательно кѣмъ-то подученные, еще лучше вышколенные, чѣмъ прежде, показывали уже иначе, вслѣдствіе чего защитѣ приходилось то и дѣло ходатайствовать объ оглашеніи показаній, данныхъ ими на предварительномъ слѣдствіи. Нѣкоторые солдаты и городовые показывали, напр., слѣдователю, что *до обстрѣла* они дали нѣсколько выстрѣловъ въ д. Романова со своихъ постовъ. Это имѣло огромное значеніе, такъ какъ сразу бросило свѣтъ на ту путаницу въ показаніяхъ о количествѣ сдѣланныхъ нами выстрѣловъ, которая царила въ матеріалахъ предварительнаго слѣдствія. Часовые другъ друга

не видали и, въ свою очередь, не были видимы карауломъ. Поэтому истиннаго источника тѣхъ выстрѣловъ, которые производились съ постовъ, другіе не могли знать и приписывали ихъ искренно или неискренно намъ. Напр., „изъ дѣла“ видно, что солдатъ Мергелевъ далъ 3 выстрѣла съ поста, Семенъ Федоровъ —6, городовой Хромовъ 1 выстрѣлъ и т. д. Понятно, поэтому, что если городовой Васильевъ показывалъ слѣдователю, что слышалъ около 10 выстрѣловъ со стороны д. Романова до обстрѣла, то онъ ошибался лишь въ источникѣ этихъ выстрѣловъ, но не въ самомъ фактѣ и количествѣ.

Здѣсь же на судѣ болѣе длительное вліяніе „школы“ сказалось и въ томъ, что когда Хромовыхъ, Федоровыхъ и др. спрашивали, не стрѣляли ли они съ поста, они и тутъ давали стереотипный отвѣтъ: „Никакъ нѣтъ!“ „Не помню!“ Приходилось уличать ихъ оглашеніемъ ихъ прежнихъ показаній. Особенно трагикомичнымъ вышелъ допросъ рядового Семена Федорова. Сперва онъ отрекся отъ того, что стрѣлялъ съ поста (и замѣтьте, вѣдь это не преступленіе!), потомъ „вспомнилъ“, что далъ три выстрѣла, наконецъ, сравненіемъ его показаній съ тѣмъ, что онъ далъ на предварительномъ слѣдствіи, его заставили „вспомнить“, что онъ далъ цѣлыхъ 6 выстрѣловъ.

На слѣдующій день судъ in corpore. въ сопровожденіи части подсудимыхъ и свидѣтелей, отправился смотрѣть домъ Романова. Дошло до выстрѣловъ съ поста. „Семенъ Федоровъ!“—вызываетъ предсѣдатель. „Здѣсь, Ваше Прев—ство!“—отзывается солдатъ, выбѣгая изъ толпы рядовыхъ. „Гдѣ вы стрѣляли съ поста?“—„Никакъ нѣтъ, не стрѣлялъ!“—Да гдѣ вы стояли?—спрашиваетъ уже озлившись предсѣдатель. Федоровъ отбѣгаетъ довольно далеко и становится за столбомъ у навѣса, такъ что его почти не видно. „Покажите, куда стрѣляли?“—кричитъ ему съ крыльца дома предсѣдатель. — Никакъ нѣтъ, не стрѣлялъ! — Куда вы стрѣляли? — вопитъ окончательно выведенный изъ себя предсѣдатель. — „Вотъ сюда!“ — выпаливаетъ неожиданно Федоровъ, и рука его протягивается прямо къ кухонной стѣнѣ, къ тѣмъ пулевымъ каналамъ, которые, привлекши передъ тѣмъ вниманіе защиты своимъ направленіемъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ „признаннымъ“ линіямъ обстрѣловъ. Подобнаго рода эпизодовъ, производившихъ въ общемъ тяжелое впечатлѣніе, несмотря на свой комизмъ,—было великое множество. Цѣлый рядъ свидѣтелей (Тихоновъ Максимъ, Филатовъ, Яхонтовъ, Былковъ) на вопросъ, который сталъ съ нѣкотораго времени настойчиво задавать предсѣдатель и даже прокуроръ: „Да почему же вы думаете, что выстрѣлы были *изъ д. Романова?*“—отвѣчали: „*Тихъ что стрѣлять было больше некому!*“ И это говорилось людьми, которые хорошо знали, что караулъ состоялъ изъ 3-хъ независимыхъ другъ отъ друга частей: *солдатъ*, коими самостоятельно распоряжался караульный начальникъ, какой-нибудь унтеръ или даже рядовой, *казаковъ*, стоявшихъ подъ начальствомъ своего пятидесятника, и *городовыхъ*, надъ которыми командовали Олесовы. Эти разнообразные элементы стрѣляли по собственной иниціативѣ

и усмотрѣнію, часто не вѣдая другъ про друга. Напр., 6 марта, послѣ большого обстрѣла, черезъ полчаса вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Оказалось, что это стрѣлялъ пьяный казакъ Валитниченко, котораго тутъ же лишили берданки и отправили въ полицію протрезвиться. На судѣ удалось установить, что его увезли пьянымъ, что у него отняли ружье, но всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ ихъ связи установить не удалось; только одинъ молодой, еще неиспорченный казакъ Шамаевъ подтвердилъ, что казаки, дѣйствительно, стрѣляли съ постовъ, съ разныхъ мѣстъ.

Даже когда происходилъ „правильный“ обстрѣлъ дома, одна часть караула стрѣляла съ лѣваго фланга и фронта дома, въ то время, какъ другая, невидимая для первой, посылала залпы съ Малобазарной улицы, съ тылу дома, т. е. прямо надъ головами перваго караула. Вотъ какъ описываетъ, напр., обстрѣлъ 6 марта самъ „отецъ-командиръ“, по собственной иниціативѣ начавшій и руководившій военными дѣйствіями, *унтеръ* Былковъ: „Политическіе стрѣляли *начками*, выстрѣловъ одинъ за другими сдѣлали больше 20. Мы дали залпа 2; они перестали стрѣлять. Потомъ опять просвистѣли пули отъ дома Романова, и мы опять стали стрѣлять...“ *Предсѣд.* Почему же вы думаете, что эти выстрѣлы были *изъ д. Романова? Былковъ.* Такъ что больше стрѣлять было неоткуль! — Но почему же вся эта масса выстрѣловъ никого изъ васъ не поранила?—спрашиваетъ недовѣрчиво прокуроръ. *Былковъ.* Полагать надо, *они* брали выше.

Замѣтьте при этомъ, что ни одинъ изъ полсотни свидѣтелей *ни разу* не видѣлъ дыма, ни 5, ни 6 марта. Между тѣмъ дѣло было зимой, окна были наглухо заколочены, на улицу выходитъ всего 3 окна безъ форточекъ. Только въ двухъ есть отверстія— выбито были 3-го марта по 1 нижнему стеклу для того, чтобы сбросить ставни, закрытыя городовыми и солдатами. Бойницъ имѣлось нѣсколько лишь подъ кухоннымъ окномъ, но ни одной на улицу. Такимъ образомъ, пункты, откуда могла исходить стрѣльба, были крайне ограничены и строго локализированы. Не замѣтить дыма въ случаѣ дѣйствительныхъ выстрѣловъ было невозможно. И дѣйствительно, никто ни разу не видѣлъ дыму, не говоря уже о томъ, чтобы замѣтить лицо, оружіе и т. п. Между тѣмъ 4 марта, когда дѣйствительно раздалось съ нашей стороны 2 выстрѣла, разные свидѣтели различали и лица и револьверы и вообще оружіе („то ли револьверъ, то ли ружье“). Лишь какой-то купецъ Кондаковъ, живущій въ собственномъ домѣ насупротивъ д. Романова, страдающій, какъ выяснилось на судѣ, хроническимъ запоемъ и амикошонствующій съ Олесовымъ, ухитрился 5-го марта усмотрѣть у одного изъ оконъ легкій *дымокъ*, хотя выстрѣловъ, по его мнѣнію, изъ д. Романова была масса: „пули летѣли черезъ нашъ дворъ, нѣкоторыя пули попадали на дорогу, на пригорокъ: на снѣгу были тогда видны слѣды отъ пуль“.

Губернаторъ Чаплинъ, дававшій, вообще говоря, довольно правдивыя показанія, сдѣлалъ цѣнное признаніе: „6-го марта получилъ я извѣщеніе, что опять стрѣляли политическіе, но ка-

раулъ не отвѣчалъ. Я пошелъ осматривать домъ. Часовой вправо отъ д. Романова заявилъ, что тамъ свистѣла пуля. Когда мнѣ разсказали, что пуля прошла вправо отъ караульнаго дома, значитъ слѣва отъ д. Романова, я пошелъ къ тому мѣсту и убѣдился, что это мѣсто *мертвое для обстрѣла*, такъ какъ невозможно туда стрѣлять... Бойницы, которыя они продѣлывали, могли служить для стрѣльбы въ упоръ, но отнюдь не на далекое разстояніе".

Такое же точно признаніе имѣется и у начальника команды Кудельскаго: „Я разслѣдовалъ направленіе одной пули у задняго края караульнаго помѣщенія. Часовой объяснилъ, что пуля пролетѣла надъ головой и, казалось даже, что задѣла. *Слѣдовъ пули я не нашелъ*".

Итакъ, одинъ только разъ начальникъ области и начальникъ команды дали себѣ трудъ провѣрить показанія солдатъ, и оказалось, что заявленія эти ложны или, по меньшей мѣрѣ, неправдоподобны. Навело ли это ихъ на мысль, что ихъ обманываютъ? Нисколько! Мало того, когда Бернштамъ задалъ Чаплину вопросъ: „Не говорилъ ли вамъ 6 марта Теслеръ, что болѣе 2-хъ выстрѣловъ ими не было сдѣлано, и какое впечатлѣніе произвелъ на васъ этотъ разговоръ?" — онъ отвѣтилъ: „По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, я не могъ ему повѣрить".

Надо было видѣть, съ какимъ усердіемъ, во время осмотра д. Ром. судомъ, многочисленные „свидѣтели"-солдаты, разсыпавшись по всему двору, искали въ стѣнахъ и заборахъ бывшаго караульнаго дома слѣдовъ *нашихъ* пуль. Они лазили по стѣнамъ, щупали, зондировали спичками. Наконецъ, одному удалось найти какую-то тараканью щель. „Нашелъ!" раздался радостный крикъ, но, увы, экспертъ принужденъ былъ сознаться, что она ничего общаго съ пулевымъ отверстіемъ не имѣетъ и что вообще въ караульномъ домѣ никакихъ слѣдовъ отъ пуль не найдено (кромѣ одного, отмѣченнаго на предварит. слѣдствіи).

Очень много времени отняли на судѣ 2 свидѣтеля: городовой Хлѣбниковъ и рядовой Колосковъ. Это, такъ сказать, претенденты на сверхштатныя пули, живыя улики того, что мы лжемъ, когда увѣряемъ, что нами было сдѣлано только 2 выстрѣла. У Хлѣбникова 4 марта оказалась прострѣленной шинель, а Колосковъ божится, что стоя рядомъ съ убитымъ Кирилловымъ, онъ почувствовалъ ударъ въ пряжку. Въ доказательство онъ снялъ *съ себя тутъ же на судѣ* кушакъ и показалъ, что на пряжкѣ одинъ уголъ чуть-чуть выгнутъ. Затѣмъ онъ доставилъ *черезъ нѣсколько дней сумку*, въ которой недоставало одной пуговки. Хлѣбниковъ — типъ безтолковаго малаго, постоянно путающагося въ своихъ показаніяхъ и никогда не замѣчающаго, что впадаетъ то и дѣло въ грубыя противорѣчія. Въ концѣ концовъ удалось установить, какъ мы и предположили съ самаго начала, что прострѣлила его шинель та самая пуля, которая ранила на вылетъ Глушкова. Что касается Колоскова, то это просто враль, не заслуживающій никакого довѣрія.

При долгихъ и утомительныхъ сценахъ допросовъ этихъ сви-

дѣтелей выступилъ, во всей красѣ, съ позволенія сказать, „экспертъ“ подпоручикъ Лепинъ. На вопросъ подсудимаго Бодневскаго, сколько пострѣленныхъ шинелей ему пришлось видѣть на своемъ вѣку, онъ принужденъ былъ сознаться, что только разъ имѣлъ случай видѣть таковую шинель — когда застрѣлился одинъ солдатъ. Этотъ единственный послѣ Кудельскаго офицеръ мѣстной команды игралъ, конечно, большую активную роль въ нашемъ „усмиреніи“, какъ обнаружилось и на судѣ, и своимъ нахальствомъ и настойчивой тенденціозностью своихъ показаній онъ такъ намъ надоѣлъ, что многіе изъ насъ пожалѣли потомъ, зачѣмъ его не отвели. Въ этомъ юномъ Марсѣ, съ лицомъ настолько вульгарнымъ и неинтеллигентнымъ, какъ не часто встрѣтишь и среди фельдфебелей, соединялись въ равныхъ количествахъ невѣжество и апломбъ. Гдѣ прямой отвѣтъ на вопросъ послужилъ бы въ нашу пользу, онъ отыскивалъ тысячу возможностей и постороннихъ обстоятельствъ, благодаря чему отвѣтъ выходилъ уклончивымъ и неяснымъ. Тамъ же, гдѣ требовалось подкрѣпить слова обвиненія, онъ давалъ отвѣты, настолько категорически-нелѣпые, что наши собственные военные спеціалисты, бывшіе офицеры и солдаты, только отплевывались. Въ домѣ Кондакова, напр., гдѣ-то на задворкахъ, на разстояніи шаговъ 150 отъ д. Романова, была найдена услужливымъ домовладѣльцемъ револьверная пуля, засѣвшая на $^1/_2$ вершка въ дерево. Во всемъ домѣ Романова есть только одно окно, въ которомъ, высунувъ черезъ *верхнее* выбитое стекло *лѣвую* руку, по самое плечо, безъ всякой возможности глядѣть на улицу и что-либо видѣть—можно было бы направить револьверъ въ этомъ направленіи. Вынутая пуля оказалась обыкновенной свинцовой изъ револьвера системы Смита-Вессона. Эксперта спрашиваютъ, возможно ли, чтобы пуля эта попала въ заборъ *изъ д. Романова* и могла ли она пролетѣть такое большое разстояніе и врѣзаться въ дерево. — Да,—отвѣчаетъ онъ, не задумываясь — *если зарядить патронъ бездымнымъ порохомъ*.

Нѣкоторые свидѣтели показывали, что передъ фасадомъ дома падали въ снѣгъ пули. Защита хочетъ установить, не могли ли это быть солдатскія пули отъ той части караула, которая стрѣляла съ тылу дома съ Малобазарной улицы.—Ни въ коемъ случаѣ!—заявляетъ экспертъ. — „Почему?“ — Во-первыхъ, пули съ Малобазарной ул. могли летѣть только на Лену и Монастырскую стѣну (эта басня была, какъ уже говорилось выше, опровергнута осмотромъ дома), а во-2-хъ, пули не могли пробить всѣхъ стѣнъ(!!) и должны были застревать въ наружной стѣнѣ. — Ну, а если онѣ влетѣли въ окно? Вѣдь въ нѣкоторыхъ окнахъ есть болѣе чѣмъ по 30 пулевыхъ отверстій. — Тогда онѣ должны были улетать за нѣсколько верстъ на Марху!—Ну, а если пули пробивали стѣны не перпендикулярно, а въ косомъ направленіи? Если онѣ проходили черезъ окно, стѣну и нѣсколько перегородокъ? Если онѣ пробивали пару оконъ и мебель? Если онѣ шли черезъ нижній этажъ, заборы, чердакъ и т. п.?—Это не могло быть. Это значило бы, что солдаты не слушались команды или плохо стрѣляли.

Аргументъ подавляющій!

Предъявляютъ ему пресловутую пряжку Колоскова, на которой одинъ уголъ чуть-чуть выгнутъ.—Да, говоритъ онъ, это сдѣлано пулей и притомъ револьверной.—Почему же вы такъ думаете?—Потому что ничѣмъ другимъ не сдѣлаешь такого сгиба(!). — А возможно ли, чтобы пуля, ударивъ въ пряжку и не повредивъ сукна, отскочила и оторвала затѣмъ пуговку отъ сумки, опять таки не повредивъ кожи сумки?—О да, это вполнѣ возможно!

Эксперту предъявляютъ Хлѣбникова, котораго заставили одѣться въ то самое платье, въ которомъ онъ былъ 4-го марта, и принять то самое положеніе, въ которомъ онъ находился въ моментъ прострѣла шинели. Въ шинели на уровнѣ немного выше колѣнъ (60-70 сант. отъ полу) нѣсколько рванныхъ отверстій спереди, сзади и сбоковъ. Экспертъ сразу рѣшаетъ, что первыя двѣ сдѣланы пулей, а боковое случайно.--Почему?—спрашиваютъ у него. — А потому, что оно лежитъ сбоку отъ линіи пулевого пролета.

Иными словами, бравый офицеръ исходилъ въ своей экспертизѣ изъ готоваго тезиса, что первыя двѣ сдѣланы пулей. Ему затѣмъ указываютъ, что въ обѣихъ полахъ, спереди, отверстія отстоятъ другъ отъ друга справа налѣво на 19 сант.

— На немъ шинель не была въ такомъ положеніи! — заявляетъ категорически Ленинъ. — Почему? — Потому что отверстія въ полахъ не совпадаютъ!

Примѣровъ подобной изумительной аргументаціи можно было бы привести много десятковъ. Недаромъ нашъ товарищъ, бывшій офицеръ Бодневскій, въ своемъ „послѣднемъ словѣ“ не могъ не бросить по его адресу нѣсколько прочувствованныхъ замѣчаній.

Въ концѣ концовъ, хотя передъ нами прошло все якутское начальство, и крупное и малое, дававшее распоряженія и осуществлявшее оныя, начиная съ Чаплина и кончая караульными начальниками (унтерами тожъ), — добраться толкомъ, отъ кого исходили нѣкоторыя распоряженія, оказалось невозможнымъ. Кто распорядился, напр., сдѣлать разрушенія въ нижнемъ этажѣ дома и съ какой цѣлью было это сдѣлано? Ни Чаплинъ, ни полицм. Березкинъ, ни приставъ, ни полиц. надзиратели, ни начальникъ команды, ни унтера — никто не отдавалъ, по ихъ увѣреніямъ, такого распоряженія. Мало того, никто даже не *видѣлъ* этихъ работъ, хотя вся мѣстность находилась со 2-го марта подъ строжайшимъ карауломъ.

Въ чьемъ вѣдѣніи находились въ концѣ концовъ солдаты? Полицмейстеръ и губернаторъ увѣряли, что безусловно въ распоряженіи Куделькаго. А Куделькій говорилъ нашему товарищу Кудрину и на судѣ, что они отданы въ распоряженіе гражданскихъ властей.

Какія инструкціи были даны относительно стрѣльбы въ насъ и по чьей винѣ инструкціи были нарушаемы? Чаплинъ категорически заявилъ, что онъ приказалъ стрѣлять лишь въ томъ случаѣ, если мы выйдемъ на улицу и произведемъ нападеніе. Полицмейстеръ Березкинъ это подтвердилъ, но Олесовъ, рядовой

Пантелѣевъ и др. заявили, что послѣ 5 марта былъ приказъ *не* стрѣлять только въ томъ случаѣ, если изъ д. Романова раздастся только *одинъ* выстрѣлъ, если же нѣсколько, то тогда стрѣлять. А реально дѣло обстояло такъ, что стоило часовому крикнуть „стрѣляютъ!“, какъ унтеръ-офицеръ, по собственной иниціативѣ, выводилъ караулъ, самостоятельно выбиралъ боевую позицію и съ полной безнаказанностью разстрѣливалъ домъ, гдѣ мы всѣ полегли бы до единаго, не будь блиндажей *). Простой рядовой, безусый Соловьевъ (тотъ самый, который 4-го бросилъ въ окно пометомъ), самостоятельно командовалъ отрядомъ, расположившимся на Малобазарной и производившимъ ту стрѣльбу, про которую губернаторъ Чаплинъ выразился на судѣ, что она для него новость. Положительно не вѣрилось ушамъ!

Много интереснаго, какъ въ смыслѣ уясненія вопроса объ инструкціяхъ и дѣйствіяхъ властей, такъ и для обрисовки состоянія ссылки, далъ допросъ Чаплина. Приводимъ нѣкоторые изъ его отвѣтовъ.

Бернштамъ. По чьему распоряженію были разобраны печи и окна въ нижнемъ этажѣ? — *Чаплинъ.* Ни въ коемъ случаѣ по моему распоряженію. Я велѣлъ Кудельскому провѣрить относительно провокаціи солдатъ; точныя донесенія у меня были ежедневно, но объ этомъ у меня не было ни одного донесенія, также и о ругани. Мнѣ разсказывалъ только Кудельскій, будто бы одна политическая показывала солдату языкъ, а солдатъ сдѣлалъ нѣчто циничное. Это сообщилъ онъ уже послѣ обстрѣловъ. *Б.* Кто распорядился выселить жильцовъ изъ нижняго этажа? *Ч.* Это для меня новость. *Зарудный.* Распоряженія полиціи разогнать силой публику вы не давали? *Ч.* Нѣтъ. *Б.* Знали ли вы, что 6-го марта, въ то самое время, когда солдаты стрѣляли съ дома Сюткина, другая часть караула стрѣляла съ Малобазарной? *Ч.* Это было бы для меня новостью. *Б.* Не прекратился ли въ то время подвозъ продуктовъ въ городъ со стороны якутовъ? *Ч.* Да, это произвело панику. Мнѣ говорили, что это такъ, но оффиціальнаго заявленія, устнаго или письменнаго, я не получалъ **). *Б.* Посылали ли вы лично объ этой исторіи свѣдѣнія въ Петербургъ? *Ч.* Безусловно сообщалъ: Начальнику Края, раза два Мин. Вн. Дѣлъ. *Б.* Получили ли вы какой-нибудь отвѣтъ? *Ч.* Было много телеграммъ отъ ген.-губ., было сообщеніе отъ министра, сообщеніе объ отсылкѣ на казенный счетъ, какъ въ прежнее

*) Большинство блиндажей мы соорудили уже въ промежуточное время между обстрѣлами. Послѣдній блиндажъ со стороны Малобазарной ул. мы закончили передъ обстрѣломъ 6-го марта, часть нашихъ товарищей была даже захвачена тогда выстрѣлами на чердакѣ, гдѣ они брали и спускали землю.

**) То же самое показывалъ и купецъ Юшмановъ. Якуты боялись везти продукты въ городъ, говорили между собой, что въ городѣ война. Чаплинъ еще разсказывалъ, что якуты были очень недовольны имъ, потому что онъ медлитъ съ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ.

время. *Зарудный.* Не считаете ли вы, что однимъ изъ мотивовъ, почему проѣзжающія партіи такъ упорно добиваются свиданія по пути, является нужда во взаимной товарищеской поддержкѣ? *Ч.* Да, частью для взаимопомощи, но большей частью это стремленіе видѣться со своими *единомышленниками*, по одному дѣлу или знакомству, или товарищескому чувству. *Зарудный.* Считаете ли вы такія свиданія недопустимыми? *Ч.* Бываетъ и возможность... *Зар.* Можетъ быть, вы и сами представляли ходатайства объ этомъ? *Ч.* Объ этомъ позвольте отвѣтомъ уклониться.

Зарудный настаиваетъ, что свидѣтель не имѣетъ права уклониться: передъ судомъ, особенно закрытымъ, не можетъ быть тайнъ. *Ч.* Я дѣлалъ представленія о томъ, что происходитъ у меня на глазахъ. О всѣхъ заявленіяхъ мнѣ я дѣлалъ представленія г. ген.-губ. безъ своего заключенія...

* * *

Пользуясь случаемъ, что зашелъ разговоръ о ссылкѣ, Зарудный предъявилъ суду ходатайство о пріобщеніи къ дѣлу и оглашеніи циркуляровъ графа Кутайсова, такъ какъ для суда должно представлять большую важность освѣтить, какъ можно полнѣе, мотивы, побудившіе подсудимыхъ къ преступленію. Вслѣдъ за нимъ подымается Бернштамъ и на случай, если судъ не сочтетъ возможнымъ истребовать подлинные циркуляры Кутайсова, предлагаетъ огласить имѣющіяся у него частныя копіи нѣкоторыхъ циркуляровъ съ тѣмъ, чтобы опросить свидѣтеля Чаплина относительно ихъ достовѣрности. Прокуроръ высказался въ томъ смыслѣ, что, ничего не имѣя противъ истребованія циркуляровъ Кутайсова, онъ считаетъ неумѣстнымъ оглашеніе частныхъ копій. Судъ удалился для совѣщанія, длившагося полчаса. Первое ходатайство онъ отклонилъ въ виду того, что оно не было заявлено своевременно, а второе согласился удовлетворить въ виду того, что *матеріалы имѣютъ отношеніе къ дѣлу.*

Итакъ, приступаютъ къ чтенію секретныхъ циркуляровъ. Оглашаются:

1) Циркуляръ Кутайсова о частыхъ самовольныхъ отлучкахъ ссыльныхъ, о необходимости строго слѣдить за ихъ образомъ жизни. Въ видѣ приложенія къ нему были прочитаны 2 списка вопросныхъ пунктовъ, на которые шпіоны должны давать ежедневно отвѣты (форма А и форма В). Это было напечатано въ нелегальной литературѣ (см. № 160 „П. И.“).

2) Циркуляръ Иркутскаго г.-губ. отъ декабря 1903 г. о томъ, чтобы не отправить на казенный счетъ окончившихъ срокъ ссыльныхъ Доликина, Бѣлова и др.

3) Циркуляръ за подписью якутскаго губернатора по поводу недостаточно энергичнаго образа дѣйствій якутскаго исправника по отношенію къ ссыльному Коревину (напеч. въ № 187 „П. И.“).

4) Циркуляръ як. исправника Инороднымъ Управамъ (напеч. въ № 187 „П. И.“).

— Свидѣтель,—спрашиваетъ Чаплина Зарудный,—не можете

ли вы сказать, знакомы ли вамъ прочитанные документы и близки ли они къ подлинникамъ? *Чаплинъ.* Среди нихъ есть такіе, содержаніе которыхъ совпадаетъ, кажется, дословно, такъ какъ они прошли черезъ мою канцелярію. Содержаніе остальныхъ тоже, какъ мнѣ помнится, близко по смыслу къ подлиннымъ циркулярамъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣденнаго перерыва Зарудный представилъ для оглашенія частную копію телеграммы, отправленной нами съ вѣдома Чаплина 20 февраля на имя Мин. Внутр. Дѣлъ. Судъ согласился ее огласить, хотя въ истребованіи подлиннаго текста отказалъ, за несвоевременностью сдѣланнаго заявленія. Но когда на слѣдующій день Бернштамъ опять представилъ частныя копіи новыхъ двухъ распоряженій объ отлучкахъ, въ настроеніи суда оказался поворотъ, повидимому, оттого, что „почетный гость", предсѣдатель судебной палаты, далъ ему понять, что оглашать секретные циркуляры не гоже. Вернувшись изъ совѣщательной комнаты, предсѣдатель сухо заявилъ, что въ заявленномъ ходатайствѣ судомъ отказано въ виду того, что документы *къ дѣлу никакого отношенія не имѣютъ.*

И хоть предъ нами та же книга,
Но въ ней читаемъ мы не то,
И новый образъ пониманья
Кладемъ на старыя сказанья.

И не такія еще метаморфозы можетъ произвести дружескій совѣтъ иркутскихъ сѣдовласыхъ мудрыхъ зміевъ!

Защита хотѣла воспользоваться приглашенными нами въ качествѣ свидѣтелей политическими ссыльными Крюковымъ, Колтуномъ и вольнослѣдующей Раковой, чтобы разспросить ихъ объ условіяхъ ссылки и, такимъ образомъ, получить юридическій матеріалъ для уясненія мотивовъ дѣйствій подсудимыхъ, но предсѣдатель при первомъ же отдаленномъ намекѣ (свидѣтель, гдѣ вы живете?) сразу оборвалъ дальнѣйшій допросъ, ссылаясь на то, что эти свидѣтели вызваны были для опредѣленной, имѣющей къ дѣлу отношеніе, цѣли: разсказать, что были выстрѣлы и въ публику со стороны полиціи. Зато сами подсудимые въ рядѣ рѣчей 4 августа довольно подробно обрисовали тотъ невозможный для существованія режимъ, который былъ созданъ иркутскими циркулярами и фатально долженъ былъ вызвать энергичный протестъ.

Показанія Раковой, Колтуна и Крюкова, хотя имъ и не дали говорить о ссылкѣ, сами по себѣ не лишены интереса.

Крюковъ разсказалъ, что 4 марта, находясь поблизости дома Романова, и, услыхавъ выстрѣлы, онъ бросился туда. Не успѣлъ онъ добѣжать до дома Кондакова, какъ на него накинулись солдаты, и одинъ изъ нихъ больно ударилъ его прикладомъ въ лѣвую щеку. Ему пришлось повернуть назадъ, но его преслѣдовали полицейскіе, и одинъ городовой выстрѣлилъ ему вслѣдъ изъ револьвера. Бывшая при этомъ Ракова получила ударъ штыкомъ и слышала, какъ какой-то старикъ кричалъ на полицейскихъ: „Зачѣмъ зря стрѣлять".

Колтупъ тоже поспѣшилъ на выстрѣлы къ дому Романова. На него набросились солдаты и полицейскіе, его окружили и обыскали. Хотя ничего не нашли, его свалили на землю, связали и били прикладами. Потомъ его отвели въ полицію, продержали полчаса и затѣмъ доставили въ тюрьму, продолжая бить и по дорогѣ. Вслѣдъ за нимъ привели въ тюрьму ссыльныхъ Шица и Каца. Первый былъ сильно избитъ и изуродованъ.

Когда предъ нами и судомъ прошли первые десятки свидѣтелей, твердившихъ съ идіотскою, наводящей тоску увѣренностью фантастическія бредни о безчисленныхъ нашихъ выстрѣлахъ, залпахъ, стрѣльбѣ „пачками“, о нелѣпыхъ выстрѣлахъ въ землю, въ ногу, въ караульный домъ, когда намъ съ полною очевидностью представилось, что опросомъ свидѣтелей мы можемъ въ лучшемъ случаѣ раскрыть только безнадежную путаницу, противорѣчивость и неправдоподобность ихъ показаній, но не *вырвать у нихъ истины*, мы рѣшили, что необходимо представить суду фактическое изложеніе того, какъ дѣло происходило въ *дѣйствительности*. Мы и раньше принимали довольно живое участіе въ судебномъ слѣдствіи, задавая свидѣтелямъ вопросы, сами или черезъ защитниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда защита не исчерпывала предмета. Задачу эту взяли на себя, по нашему порученію, Никифоровъ, Тепловъ и Тесленъ, т. е. тѣ лица, которыя въ три различные періода нашего пребыванія въ домѣ Романова выступали послѣдовательно въ качествѣ парламентеровъ для переговоровъ съ губернаторомъ. Первый, начавъ съ 18 февраля, довелъ разсказъ до момента своего ареста на улицѣ 29 февраля при выходѣ изъ дома Романова. Второй повѣствовалъ о періодѣ съ 28 февраля до 5 марта. Наконецъ, третій передалъ о послѣднихъ обстрѣлахъ, о переговорахъ съ губернаторомъ касательно сдачи. Все изложеніе длилось около $2^1/_2$ часовъ и было выслушано судьями съ нескрываемымъ глубокимъ интересомъ. Не повѣрить нашимъ заявленіямъ—было невозможно. Предсѣдатель Ирк. Суд. Палаты, уѣхавшій съ прокуроромъ той же палаты въ тотъ же день вечеромъ, дружески простился съ защитниками и сказалъ имъ: „Я старый судья. Я видалъ на своемъ вѣку много процессовъ. *Такъ* подсудимые не врутъ. О, несомнѣнно, тутъ вышло крупное, печальное недоразумѣніе. Но убѣжденіе — убѣжденіемъ, а велѣнія свыше должны оставаться въ силѣ“. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣлая эти признанія, иркутскій старый судья безповоротно рѣшилъ, что продиктованный приговоръ будетъ вынесенъ. Какъ бы то ни было, но и предсѣдатель окружного суда и прокуроръ при дальнѣйшихъ допросахъ свидѣтелей сами уже по собственной иниціативѣ недовѣрчиво переспрашивали: „Да почему вы думаете, что выстрѣлы были непремѣнно изъ д. Романова?“

* * *

По требованію прокурора, были оглашены всѣ документы по дѣлу, между прочимъ и наши заявленія, поданныя нами губернатору во время пребыванія въ укрѣпленномъ „фортѣ“, какъ

назвалъ домъ Романова прокуроръ, начиная съ главнаго изложенія нашихъ требованій и кончая „Открытымъ письмомъ якутскому губернатору", врученнымъ 6 марта. Оглашены были также два найденные послѣ нашего выхода, случайно завалявшіеся листочка дневника, который нами тамъ велся, за 26 февраля и 4 марта. Не безъ волненія прослушали мы свои собственныя писанія, читавшіяся въ хронологическомъ порядкѣ. Въ измѣняющемся тонѣ этихъ заявленій отчетливо отражалась постоянно нараставшая волна нашего настроенія. При чтеніи этихъ документовъ и листовъ дневника, въ которыхъ обстоятельно излагались событія, между прочимъ вся обстановка выстрѣловъ 4 марта, мы положительно отдыхали отъ мелкой, разстраивающей нервы борьбы съ разными Лепиными, Хлѣбниковыми, Колосковыми и т. п. субъектами. Зарудный предъявилъ затѣмъ ходатайство объ оглашеніи имѣющихся въ дѣлѣ телеграммъ и письменныхъ заявленій о сочувствіи, поступившихъ къ губернатору въ періодъ предварительнаго слѣдствія, препровожденныхъ Чаплинымъ слѣдователю. Прокуроръ протестовалъ противъ ихъ оглашенія, но судъ ходатайство это удовлетворилъ, такъ какъ эти документы были осмотрѣны слѣдователемъ и пріобщены къ дѣлу. Прочитаны были заявленія Дроздова, 2 телеграммы изъ Олекминска, 2 телеграммы изъ Нохтуйска и заявленіе ссыльныхъ Барагонскаго улуса. 6-го августа утромъ судебное слѣдствіе было объявлено законченнымъ и начались пренія сторонъ. Прокуроръ произнесъ двухчасовую блѣдную рѣчь, гдѣ, не бряцая оружіемъ, не ударяя въ патріотическій барабанъ, безъ криковъ „отечество въ опасности", повторилъ содержаніе обвинительнаго акта, требуя точнаго примѣненія къ намъ 263 и 268 ст., т. е. безсрочной каторги для всѣхъ насъ. Въ своей дополнительной рѣчи онъ, впрочемъ, соглашался на наименьшую мѣру наказанія по этимъ статьямъ, т. е. на 12 лѣтъ каторги каждому. Вообще, прокуроръ чувствовалъ себя на довольно твердой почвѣ, хотя — характерное обстоятельство — онъ самъ не высказывалъ своего мнѣнія, сколько выстрѣловъ было въ концѣ концовъ сдѣлано нами. Онъ напомнилъ только, что есть два освѣщенія этого вопроса, исходящія изъ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Оба наши защитника съ самаго начала подѣлили между собою свою работу такимъ образомъ, что Бернштамъ взялъ на себя опроверженіе фактической стороны обвиненія, а Зарудный поставилъ себѣ цѣлью разбить юридическую сторону обвиненія, доказать незаконность Кутайсовскихъ циркуляровъ и неправильность примѣненія къ намъ 263 и 268 ст. Прекрасная по формѣ, стройная по содержанію, неотразимая въ своей аргументаціи, проникнутая глубочайшимъ чувствомъ и страстностью, рѣчь Зарудного была въ полномъ смыслѣ шедевромъ. Она произвела огромнѣйшее, непередаваемое впечатлѣніе рѣшительно на всѣхъ. У большинства стояли слезы на глазахъ. Онъ проанализировалъ всѣ требованія, предъявленныя нами 18-го февраля, и показалъ, что во всѣхъ нихъ шло дѣло объ отмѣнѣ такихъ распоряженій иркутскаго генералъ-губернатора, которыя были *совершенно неза-*

конны. Слѣдовательно, о сопротивленіи *законнымъ* распоряженіямъ властей тутъ не можетъ быть и рѣчи. Статья 263 поэтому непримѣнима. Затѣмъ, подвергнувъ тщательному разбору различные періоды нашего пребыванія въ д. Романова, онъ показалъ, что ни въ одинъ изъ этихъ періодовъ не имѣло мѣсто дѣйствительное сопротивленіе властямъ, а былъ только отказъ разойтись. Что касается убійства 2 солдатъ 4 марта, то, разсмотрѣвъ обстоятельства, при которыхъ это произошло, онъ находитъ, что убійство было произведено при состояніи необходимой самообороны, и тутъ можетъ быть рѣчь только о томъ, не имѣло ли мѣсто превышеніе необходимой самообороны.

Закончилъ онъ слѣдующимъ заявленіемъ, которое своей неожиданностью, смѣлостью и фанатичною убѣжденностью привело насъ въ неописуемый восторгъ и волненіе:

„Со всѣмъ убѣжденіемъ, на которое только я способенъ, со всей моей вѣрой въ конечное торжество добра, со всей моей безпредѣльной любовью къ родинѣ, я прошу присоединить и мою подпись подъ заявленіемъ, поданнымъ якутскому губернатору 18 февраля". Мы вскочили со своихъ мѣстъ и бросились пожимать ему руки. Прокуроръ вяло возражалъ. Ему отвѣчалъ Бернштамъ. Въ 8¾ вечера 7 августа подсудимымъ было предоставлено послѣднее слово. Говорили Бодневскій, Гобронидзе, Тепловъ; по нѣсколько словъ сказали Ольга Викеръ, Фридъ, Погосовъ и др. Нѣкоторые готовились говорить довольно обстоятельно, но послѣ того, какъ предсѣдатель неоднократно обрывалъ товарищей-ораторовъ на томъ де основаніи, что они говорятъ вещи, не относящіяся къ дѣлу, что онъ не можетъ позволить употреблять такія рѣзкія выраженія *), — у насъ пропала всякая охота говорить. Обстоятельно говорилъ только одинъ Тепловъ о причинахъ, почему нашъ протестъ вылился въ такой, а не въ иной формѣ, о провокаціи солдатъ, о мотивахъ, заставившихъ насъ сдаться.

На слѣдующій день судъ въ 12 часовъ прочелъ вопросные пункты, на которые онъ долженъ дать отвѣтъ. Для насъ всѣхъ —55 чел., вышедшихъ 7-го марта изъ „форта", формулированъ былъ только одинъ вопросъ по 263 и 268 ст. Затѣмъ особый вопросъ былъ для Никифорова и особый для Зеликманъ, Померанецъ и Виленкина. Зарудный потребовалъ вставить въ формулированный для насъ — 55 чел. — вопросъ слово „законнымъ" передъ словомъ „распоряженіямъ" (сопротивленіе *законнымъ* распоряженіямъ властей). Этимъ онъ хотѣлъ заставить судъ войти въ обсужденіе того, были ли законны циркуляры Кутайсова. Сверхъ того, онъ ходатайствовалъ поставить дополнительный

*) Товарища Курнатовскаго онъ оборвалъ послѣ первыхъ же словъ: „Во имя той правды, съ которой обращался сегодня такъ легкомысленно г. прокуроръ..." Курнатовскій сталъ доказывать, что убійство солдатъ вовсе не было логическимъ слѣдствіемъ нашего протеста, какъ развивалъ прокуроръ, что солдаты тѣ же рабочіе, но предсѣдатель вторично его прервалъ и выведенный изъ себя товарищъ прекратилъ рѣчь и опустился на мѣсто.

вопросъ о томъ, не было ли совершено убійство въ состояніи необходимой самообороны? Судъ отказалъ и въ томъ и въ другомъ. Этимъ сразу опредѣлился характеръ приговора и послѣдовавшій затѣмъ почти 5-часовой перерывъ для „совѣщанія“ былъ только кукольною комедіею. Между тѣмъ въ зданіи суда начала скопляться большая толпа, такъ какъ приговоръ долженъ былъ быть объявленъ при „открытыхъ дверяхъ“. Большую часть публики составляли, конечно, ссыльные. Были приняты всѣ мѣры предосторожности. Весь штатъ полиціи, якутскихъ казаковъ и солдаты наводнили корридоры. Въ самомъ залѣ суда былъ поставленъ дополнительный часовой возлѣ Чаплина. Но въ моментъ объявленія приговора почти вся публика была грубо вытолкнута на улицу.

Въ 5½ час. вечера судъ вынесъ приговоръ поистинѣ небывалый въ лѣтописяхъ революціоннаго движенія. 55 чел. получили каторгу по 12 лѣтъ каждый; Никифоровъ—1 годъ арестантскихъ ротъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ (дворянства, званія ветерин. врача и др.); Зеликманъ, Померанецъ и Виленкинъ оправданы. Просто, однотонно и безо всякихъ мудрствованій лукавыхъ! Среди гробового молчанія судьи быстро повернули обратно и исчезли, словно гонимые фуріями.

Приговоръ насъ не удивилъ и не огорчилъ. Первымъ дѣломъ нашимъ, по возвращеніи въ тюрьму, было затянуть плясовую, и затѣмъ стали готовиться въ путь. Оказалось, что былъ даже заранѣе предрѣшенъ срокъ нашего отъѣзда: на 19 августа былъ заготовленъ и пароходъ и конвой и т. д. Новое доказательство того, насколько приговоръ былъ безпристрастнымъ результатомъ 10-дневнаго судоговоренія!

Въ этотъ день намъ прочтутъ мотивированный приговоръ въ залѣ суда, а вечеромъ насъ увезутъ на пароходѣ „Графъ Игнатьевъ“ въ Иркутскъ, въ распоряженіе Иркутскаго губ. правленія. Ѣдемъ мы еще въ качествѣ „подсудимыхъ“, а не осужденныхъ.

Уже надутое вѣтрило
Нашъ челнъ уноситъ въ новый край, —
Не сожалѣй о томъ, что было,
И взоръ обратно не кидай!

Еще бы сожалѣть!

Покамѣстъ у насъ идутъ оживленные дебаты о томъ, подавать ли аппеляцію. Громадное большинство и слышать не хочетъ объ этомъ, но защита и почти всѣ товарищи на волѣ настаиваютъ на подачѣ. Какъ разрѣшится вопросъ — сказать еще трудно.

N. N.

Якутскъ, 17 августа 1904.

P. S. Отъѣздъ отложенъ на 23 августа, такъ какъ выяснилось, что 19-го не успѣютъ справиться. Выяснились интересныя подробности относительно приговора. Одинъ членъ суда Соколовъ

не согласился съ приговоромъ и подалъ особое мнѣніе (См. „П. И.“, № 196). Другой членъ суда Ревердатто вполнѣ убѣдился и повѣрилъ, что больше 2-хъ выстрѣловъ нами не было сдѣлано, но... по слабости человѣческой въ юридической части, принялъ толкованіе предсѣдателя. А предсѣдатель... выполнялъ велѣнія свыше.

Еще стало извѣстно, что 1 августа Щербаковъ, представитель пароходной фирмы Глотовыхъ, получилъ въ Витимѣ по телеграфу приказъ приготовить къ 19-му августа пароходъ на 60 человѣкъ. Такъ предусмотрительна и прозорлива *слѣпая* Ѳемида.

Привѣтствія героямъ якутской драмы.

На созванныхъ организаціями Бунда собраніяхъ въ 150, 130, 65 и 30 чел. въ Двинскѣ и въ 350 въ Креславкѣ принято слѣд. привѣтствіе якутянамъ:

„Шлемъ свой товарищескій привѣтъ славнымъ героямъ якутянамъ, восхищаемся ихъ славнымъ дѣломъ и клянемся отомстить проклятому самодержавію. Вѣчная память павшему! Вѣчная слава живымъ!“

Въ Смолевичахъ, Минской губ. 11-го августа ст. ст. состоялось собраніе въ 35 чел. по поводу якутской драмы, созванное мѣстной организаціей Бунда. Собраніемъ принята слѣд. резолюція:

„Мы, рабочіе м. Смолевичей, выражаемъ свою любовь якутскимъ товарищамъ, которые на жизнь и на смерть борются съ дикимъ русскимъ самодержавіемъ въ далекой Сибири, облегчая намъ тѣмъ нашу борьбу на мѣстѣ. Долой самодержавіе!“

Въ Кременчугѣ на 3-хъ собраніяхъ (общее число участниковъ 150 чел.), созванныхъ мѣстной организаціей Росс. Партіи, принята слѣд. резолюція:

„Посылаемъ привѣтъ и сочувствіе всѣмъ товарищамъ, страдающимъ въ дебряхъ далекой Сибири, протестуемъ вмѣстѣ съ ними противъ дикаго съ ними обращенія и неслыханнаго по своей жестокости приговора“. („Искра“, № 75).

Демонстрація при отправкѣ „романовцевъ“.

Якутскъ. 21 августа „романовцамъ“ былъ объявленъ мотивированный приговоръ, и тогда же стало извѣстно, что членъ суда Соколовъ подалъ „особое мнѣніе“, идущее въ разрѣзъ съ приговоромъ и настаивающее на примѣненіи къ подсудимымъ 266 ст. Улож. о Нак.

День отправки „романовцевъ“ былъ назначенъ на 23-ье августа; около 6 ч. вечера къ воротамъ тюрьмы собрались политическіе въ количествѣ 40-50 чел., а сзади нихъ тамъ и сямъ группировались кучки обывателей. Послѣ пріема партіи конвоемъ

изъ-за палей тюрьмы раздалась рабочая „Марсельеза“, могучіе звуки стройнаго хора послѣдній разъ огласили тюремный дворъ: какъ будто что-то оборвалось въ груди, когда голоса дорогихъ намъ товарищей замерли въ воздухѣ... „Романовцы“, которыхъ съ вольнослѣдующими больше 60-ти, вышли изъ-за тюремныхъ воротъ и, окруженные цѣпью конвойныхъ солдатъ, собирались отправиться къ берегу, гдѣ ожидалъ ихъ пароходъ „Алданъ“ съ баржей... Звуки „Варшавянки“, раздавшіеся изъ нашихъ рядовъ, огласили воздухъ; воодушевленіе было неописуемое; мы пропѣли нѣсколько куплетовъ и сплоченной группой двинулись за нашими товарищами, отдѣленные отъ нихъ цѣпью городовыхъ. Требованія полицмейстера разойтись только усиливали всеобщій энтузіазмъ, и былъ моментъ, когда мы были готовы на все, еслибъ полиція проявила хоть малѣйшую попытку учинить надъ нами насиліе... Какъ только партія миновала тюрьму, мы привѣтствовали ее возгласами: „Да здравствуютъ „романовцы“, „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ грядущая революція!“, а сзади и съ боковъ тѣснились обыватели и учащіеся, жадно прислушивавшіеся къ нашимъ взаимнымъ привѣтствіямъ. На берегу насъ ожидала толпа человѣкъ въ 150-200, среди нея были также рабочіе казеннаго виннаго завода, только что кончившіе работу и поспѣшившіе на берегъ; вся толпа, вмѣстѣ съ нами доходившая до 250-300 чел., стояла на берегу, а на баржѣ у берега толпились товарищи, готовые къ отплытію... Съ баржи раздались возгласы: „Товарищи, вѣчная память Матлахову!“, „вѣчная память Науму Шацу!“, „вѣчная память жертвамъ якутской бойни 1889 года!“ Въ отвѣтъ послѣдовало несмолкавшее громогласное „ура!“, и дружное пѣніе („Мы жертвою пали въ борьбѣ роковой...“) съ баржи и берега огласило воздухъ. Баржа тронулась, а возгласы наши: „долой царскій произволъ!“, „да здравствуютъ „романовцы!“, „до скораго свиданія на баррикадахъ въ Россіи!“ долго еще не смолкали. Ускореннымъ шагомъ отправились мы на осеннюю пристань (въ 7 верстахъ отъ города), гдѣ баржу должны были прицѣпить къ пароходу „Графъ Игнатьевъ“. Всѣ пришедшіе изъ города столпились на берегу, къ тому же времени показалась баржа съ „романовцами“, окруженными конвоемъ. До полночи обмѣнивались мы пожеланіями лучшаго будущаго, привѣтствовали другъ друга самымъ задушевнымъ образомъ; наше пѣніе смѣнялось дружнымъ и стройнымъ хоромъ отъѣзжающихъ „романовцевъ“: звуки ихъ пѣсенъ далеко разносились по простору Лены и заливая слезами въ нашихъ сердцахъ потокъ неудержимыхъ [illegible] чувствъ...

БЕРНСК. ГРУППА
РОС. СОЦ. ДЕМ. РАБ. ПАРТІИ